

Политика

Япония на рубеже десятилетий: власть сменилась — проблемы остаются

© 2010

В. Кистанов

После почти безраздельного более чем полувекового правления Либерально-демократической партии к власти в Японии в сентябре 2009 г. пришла Демократическая партия. Японская общественность возлагала большие надежды на ДПЯ в плане обновления страны, однако год с небольшим, прошедший после триумфальной победы демократов, показал, что они не в состоянии решить ряд назревших социально-экономических задач, а во внешней политике совершают одну крупную ошибку за другой. Автор приходит к выводу, что по мере нарастания разочарования и недовольства избирателей деятельностью Демократической партии, ее перспективы все более тускнеют.

Ключевые слова: Либерально-демократическая партия Японии, Демократическая партия Японии, новая стратегия роста, японо-американский договор безопасности, территориальный конфликт, «китайская угроза», российско-японские отношения.

Историческое событие или перемена мест слагаемых?

30 августа 2009 г. во внутривнутриполитической жизни Японии произошло историческое, как утверждают многие японские комментаторы и эксперты, событие: Либерально-демократическая партия (ЛДПЯ), почти бессменно правившая в стране в течение 54 лет, потерпела сокрушительное поражение на выборах в нижнюю палату парламента. Ее соперница — Демократическая партия (ДПЯ) сумела завоевать 308 из 480 мандатов¹.

На следующий день после выборов либеральная газета «Асахи симбун» в редакционной статье под заголовком «Историческая победа ДПЯ» восторженно писала: «Воскресные выборы в нижнюю палату ярко продемонстрировали огромный потенциал системы одноместных избирательных округов. Мощная волна народного волеизъявления открыла новую главу в политической истории нации, возвещая смену власти»².

Ряд аналитиков, как в Японии, так и за рубежом, поспешил расценить итоги выборов как явный шаг в сторону создания в стране полноценной двухпартийной политической системы в отличие от так называемой «полуторапартийной» системы, господствовавшей в течение многих послевоенных десятилетий. В той системе единица озна-

Кистанов Валерий Олегович, руководитель Центра японских исследований ИДВ РАН, доктор исторических наук, кандидат экономических наук. Тел.: 8 (499) 124-06-01, E-mail: v_kistanov@list.ru.

чала стоявшую у руля государства Либерально-демократическую партию, а 0,5 — все остальные партии вместе взятые³.

Вместе с тем звучало и немало сомнений в том, что указанный шаг символизирует необратимое движение в направлении «нормального» политического устройства, характерного для западных демократий, где на властном Олимпе происходит регулярная смена политических партий. Так, упомянутая выше газета в той же статье задавала вопрос: «Будут ли эти выборы означать наступление нового «режима 2009»⁴ с постоянными возможностями смены правительств?». И сама же отвечала: «Это зависит от политических действий двух основных партий в предстоящие годы»⁵.

Ключевым фактором, определившим исход выборов, явилось недовольство населения Либерально-демократической партией, которая в течение долгих лет не могла решить острые социально-экономические задачи, а также осуществить необходимые структурные изменения в государстве и обществе.

В частности, либерал-демократы «проспали» образование на рубеже 1980-х — 1990-х гг. так называемого «мыльного пузыря экономики» как следствия спекулятивно вздутой стоимости ценных бумаг и недвижимости, особенно земли. Взрыв этого «пузыря» в начале 1990-х гг. вверг экономику страны в длительный застой и серьезно ударил по качеству жизни японцев. Недаром еще в конце 1990-х гг. в Японии зазвучал термин «потерянное десятилетие», а в последние годы стали говорить уже о «потерянном двадцатилетии».

В итоге к выборам в палату представителей в 2009 г. ЛДПЯ, правительство и премьер-министр Таро Асо пришли с беспрецедентно низкими рейтингами. Фактически голосование на выборах носило протестный характер и было обусловлено жадой перемен в стране. Свою роль сыграла и предвыборная кампания ДПЯ, которая умело использовала подобные общественные настроения. Многие из ее обязательств и обещаний носили откровенно популистский характер.

В предвыборной платформе⁶ демократов основной упор делался на решении социальных и экономических проблем, и очень мало внимания уделялось вопросам внешней политики. Одним из главных лозунгов ДПЯ была передача управления страной из рук бюрократов в руки политиков.

Кроме того, партия ставила такие конкретные и понятные населению задачи, как сокращение государственных расходов на бесполезные общественные работы (ненужные дамбы, мосты, автомобильные и железные дороги), увеличение финансирования системы социального обеспечения, выплаты детских пособий, введение бесплатного школьного образования, реформирование пенсионной системы, улучшение медицинского обслуживания, отмена платы за проезд по скоростным автодорогам и др.

Эйфория, охватившая многих японцев по случаю «исторической смены власти», проявилась в рекордно высоком рейтинге ДПЯ. Так, если в июне 2009 г. (то есть незадолго до выборов), как свидетельствовал один из общественных опросов, доля людей, которые возлагали большие надежды на партию, составляла 52%, то в начале сентября (вскоре после выборов) она взлетела до 72%⁷.

Однако многие избиратели, голосуя за ДПЯ, выражали беспокойство по поводу ее способности управлять страной, так как партия, по сути, представляет собой конгломерат политиков различной идеологической ориентации, в том числе «перебежчиков» из ЛДПЯ. Эксперты также высказывали серьезные сомнения в том, что демократы сумеют изыскать финансовые средства, достаточные для реализации ее предвыборных лозунгов.

К середине лета 2010 г. уже стало ясно, что указанные опасения имели под собой основания. К этому времени ДПЯ мало чего добилась в выполнении своих социально-экономических обязательств, а ее лидер — Юкио Хатояма был вынужден даже уйти в отставку. Ее причиной послужило невыполнение собственного обещания решить к концу мая проблему вывода с острова Окинава авиабазы корпуса морской пехоты США Фу-

тэмма за пределы если не страны, то хотя бы собственно острова⁸. Немалую роль сыграли и то обстоятельство, что, выступая за «разделение политики и денег»⁹, сам Хатояма оказался замешанным в скандал с пожертвованиями своей состоятельной матери в политический фонд собственной партии.

Пришедший в июне на смену Хатояме другой известный деятель ДПЯ — Наото Кан сразу же столкнулся с необходимостью подготовки партии к очередным выборам в верхнюю палату (палату советников) парламента, намеченным на 11 июля. Ему пришлось действовать не только в состоянии цейтнота, но и в весьма неблагоприятных для демократов условиях: в тот период рейтинги правительства и самой партии резко снизились. Это было связано, в первую очередь, с отсутствием заметных улучшений в социально-экономической сфере, бесславленным поражением Хатоямы в его «базовой тягбе» с американцами, а также подозрениями в «финансовых грехах» в отношении двух ключевых фигур ДПЯ — того же Хатоямы и бывшего тогда Генеральным секретарем партии Итиро Одзавы.

Уход Хатоямы с премьерской должности, а также смещение с поста Генсека «политического тяжеловеса» Одзавы фактически явились «ритуальным жертвоприношением». Это тактическое действие, произведенное в преддверии выборов в палату советников, обеспечило заметный подъем рейтинга ДПЯ, однако не принесло партии ожидаемых результатов.

На выборах в палату советников 11 июля ДПЯ понесла серьезное поражение — численность ее депутатов в этой палате снизилась с 54 до 44 чел. ДПЯ даже вместе со своим союзником — небольшой и маломощной Народной новой партией не смогла сохранить за собой большинство в указанной палате, насчитывающей 242 депутатских места. Это привело к очередному появлению «перекрученного парламента» (*нэдзирэ коккай*), где нижняя палата контролируется властвующей партией, а верхняя — оппозицией¹⁰.

Голосование показало большое недовольство избирателей деятельностью ДПЯ в течение 10 месяцев ее правления. Но главной причиной провала демократов явилось заявление их лидера Кана о необходимости повышения потребительского налога с 5% до 10%, то есть в два раза. При этом он не выдвинул достаточно обоснованных аргументов в пользу своего намерения, а также не объяснил, на что будут потрачены доходы от налогового повышения.

Фактически это был явный тактический просчет Кана, который, несмотря на свой богатый политический опыт, не учел того обстоятельства, что, как бы ни складывалась обстановка в стране, повышение налогов — это то, чего избиратели хотят меньше всего. Да и в самой ДПЯ не было единства мнений о необходимости такого непопулярного шага.

Были и другие факторы, определившие проигрыш демократов: шлейф финансовых скандалов, который тянулся за Хатоямой и Одзавой, неуклюжесть подходов администрации Хатоямы к проблеме переноса базы Футэмма, затянувшиеся раздоры между ДПЯ и оппозицией по поводу необходимости социальных дотаций, включая детские пособия, и другие. Результаты выборов резко ослабили не только позиции ДПЯ на внутриполитической арене, но и положение самого Кана внутри партии.

Вместе с тем, было бы ошибочным считать, что в результате прошедших выборов ЛДПЯ оправилась от своего провала на выборах в палату представителей в августе 2009 г. Ирония ситуации заключается в том, что подобно ДПЯ на прошлогодних выборах, либерал-демократы победили на выборах в июле 2010 г. благодаря не своим заслугам, а просчетам соперника.

Снижение доверия избирателей одновременно к двум основным партиям (ЛДПЯ и ДПЯ) отчетливо проявилось в завоевании сразу 10 мест Партией «всех»¹¹. До выборов указанная партия не располагала в палате советников ни одним депутатским местом. За нее голосовали многие из тех японцев, которые разочаровались как в ЛДПЯ, так и ДПЯ.

Новый расклад сил в парламенте, образовавшийся после июльских выборов, по мнению японских комментаторов, должен дать возможность вести продуктивные дискуссии по насущным проблемам внутренней и внешней политики. При этом, считают они, оппозиции необходимо играть более конструктивную роль.

Дело в том, что в долгий период правления ЛДПЯ оппозиционные партии имели гораздо меньше мест в парламенте, чем сейчас, и у них не было другого выбора, как использовать тактику затягивания процесса прохождения законопроектов. Таким способом они «выторговывали» уступки со стороны ЛДПЯ. Это приводило к тому, что переговоры между правящей и оппозиционными партиями велись за кулисами, а сам политический процесс был скрыт от глаз избирателей.

Такая тактика срабатывала в период устойчивых темпов роста японской экономики. Однако в настоящее время темпы значительно замедлились и, как пишет «Асахи симбун», на горизонте маячит финансовый кризис¹². Поэтому нет времени для закулисных сделок. Газета выражает надежду на то, что оппозиция в лице ЛДПЯ не будет использовать «перекрученный парламент» для затягивания прохождения законопроектов, необходимых для решения неотложных социально-экономических задач, а также острых внешнеполитических проблем.

Прозрачная деятельность, направленная на достижение согласия между правящими и оппозиционными лагерями, приведет к вовлечению в политику широких слоев населения, считает газета. Поэтому, по ее мнению, начавшаяся в октябре внеочередная сессия может стать поворотным пунктом в японской политике¹³.

Следует отметить, однако, что с окончанием выборов в верхнюю палату парламента испытания на политическую прочность ДПЯ и устойчивость лидерского положения самого Кана в партии не окончились. Горячее, как в буквальном, так и переносном смысле, лето плавно перешло в не менее горячую осень¹⁴.

Прошедшие 14 сентября выборы лидера (президента) ДПЯ стали очередной точкой кипения политических страстей в Японии. На них Кан с заметным преимуществом победил своего соперника Одзаву, над которым продолжала витать тень обвинений в финансовой нечистоплотности. По опросам общественного мнения, проведенного «Асахи симбун», 72% проголосовавших избирателей приветствовали переизбрание Кана как председателя правящей партии¹⁵. В значительной степени была восстановлена и поддержка его кабинета. Однако эти цифры, считает газета, скорее свидетельствуют о неприятии населением его оппонента — Одзавы. Победа Кана была во многом обеспечена голосами сторонников партии, а также ее рядовых членов¹⁶.

Вместе с тем, необходимо отметить, что Одзава получил 200 голосов (более половины) членов парламента, принадлежащих к ДПЯ. Это означает, что Кан в его деятельности на посту премьер-министра может столкнуться с большими, чем ранее, силами сопротивления в собственной партии.

Тем не менее, стремясь сохранить свой имидж борца за «чистую политику», Кан решил открыто дистанцироваться от Одзавы и не предоставил ему важных постов ни в партии, ни в новом кабинете министров. Некоторые комментаторы тревожно предполагали, что обидевшись политик выйдет из ДПЯ и уведет с собой блок своих сторонников. Среди японских аналитиков были даже опасения, что он может перебраться на сторону ЛДПЯ, выходцем из которой является. Этот шаг мог привести к еще большему осложнению внутривнутриполитической ситуации в Японии. Однако Одзава, будучи одной из наиболее ярких и влиятельных фигур в политическом мире современной Японии, поспешил заявить, что он подобно солдату будет рядовым членом партии¹⁷. В итоге ДПЯ смогла избежать грозившего ей раскола. Во всяком случае, пока. Поражение Одзавы на выборах однозначно разрушает его образ самого сильного в стране «электорального стратега», так как он впервые проиграл гонку за лидерство в партии. Вероятное возбуждение уголовного дела против него по обвинению в незаконных финансовых операциях

может поставить жирную точку в его политической карьере. Если это произойдет, то на политическом небосклоне Японии погаснет, пожалуй, единственная на сегодняшний день яркая звезда.

В парламенте премьер-министр Кан уже на октябрьской сессии столкнулся с нападками оппозиции и ее нежеланием идти на сотрудничество, поскольку ее деятели посчитали, что внутрипартийные выборы ДПЯ в силу их раскольного характера значительно ослабили партию. Лидер ЛДПЯ Садакадзу Танигаки прямо заявил: «Мы будем последовательно противостоять ДПЯ, чтобы заставить Кана распустить парламент и провести досрочные выборы»¹⁸. Тем самым Танигаки недвусмысленно опроверг спекуляции некоторых аналитиков по поводу того, что в нынешней ситуации единственным партнером ДПЯ может стать ЛДПЯ, поскольку обе партии в силу своей слабости и неспособности эффективно управлять государством нуждаются друг в друге, а принципиальных идеологических расхождений между ними не существует. Лидеры других оппозиционных партий также обвинили Кана в неспособности достичь заметных успехов после того, как он стал премьер-министром в июне 2010 г. При этом они тоже продемонстрировали свое нежелание входить в какие-либо коалиции с ДПЯ.

Вместе с тем, очевидно, что японские политики не могут не учитывать мнение влиятельнейшей лоббистской организации — Кэйданрэн (Федерации экономических организаций), представляющей крупный капитал Японии. Руководство этой организации уже дало им знать о своей заинтересованности в сотрудничестве демократов и либерал-демократов с целью скорейшего преодоления затянувшихся неурядиц в японской экономике, а также оздоровления государственных финансов.

Очевидно, что в Японии назрела необходимость в серьезной перестройке политической системы, которая предполагает наличие партий, пользующихся широкой и стабильной поддержкой населения и способных предложить понятную ему долгосрочную стратегию социально-экономического развития страны. В ближайшем же будущем, как представляется, внутривнутриполитическое положение в Японии продолжит оставаться весьма неустойчивым. При этом не исключено, что в плане партийного строительства ситуация будет напоминать картинку в калейдоскопе, где при повороте его корпуса (экономики) рисунок причудливо меняется в зависимости от комбинации разноцветных стеклышек (политических партий). Именно такая ситуация была характерна для Японии в истекающем «потерянном двадцатилетии».

Таким образом, спустя год с небольшим после «исторического события» — прихода к власти ДПЯ — вряд ли кто возьмется предсказать, когда и каким образом страна выберется из внутривнутриполитической трясины, в которой она пребывает два последних десятилетия. Зато нет недостатка в алармистских пророчествах. Лидер одной из небольших оппозиционных партий — Народной новой партии, умудренный опытом политик-ветеран Сидзука Камэй на очередной пресс-конференции прямо заявил, что ДПЯ уже «плавится» подобно ЛДПЯ¹⁹. При этом он предупредил, что ДПЯ необходимо проводить четкую экономическую политику. В противном случае партия может оказаться в опасной ситуации²⁰.

Новая стратегия роста: планы и препятствия

ДПЯ и ее руководители после победы на выборах 2009 г. вместе с браздами правления получили в наследство от администрации ЛДПЯ целый ворох требующих неотложного решения экономических и социальных проблем. Среди них, прежде всего, стоит отметить хроническую дефляцию, высокий уровень безработицы, а также слабый потребительский и инвестиционный спрос. Кроме того, правительство в спешном порядке вынуждено решать проблему дорогой иены, бьющей по японскому экспорту.

В июне 2010 г. правительство Кана обнародовало новую стратегию экономического роста. Она рассчитана на 10 лет и предполагает генерирование дополнительного

спроса в объеме 123 трлн иен, что, соответственно, должно привести к созданию 5 млн новых рабочих мест. Стратегия имеет своей целью избавление не позднее, чем в следующем финансовом году, японской экономики от серьезной болезни — дефляции, сдерживающей ее развитие²¹. Долгосрочной задачей указанной стратегии является ускорение развития экономики с тем, чтобы среднегодовые номинальные темпы прироста в период до 2020 финансового года составили 3%²². Учитывая, что в последние 10 лет эти темпы находились в «отрицательной зоне», можно сказать, что поставленные цели являются весьма амбициозными. Очевидно, что стабильный рост экономики на протяжении длительного периода является необходимым условием для реализации Каном своего лозунга «сильная экономика, сильные финансы и сильное социальное обеспечение». Новый премьер-министр решительно настроен на то, чтобы, прежде всего, улучшить ситуацию в сфере государственных финансов. Они характеризуются огромным государственным долгом, достигшим, по оценкам, 200% ВВП, и вынуждающим бюджетным дефицитом. Для этого он готов, как уже говорилось, пойти даже на такую непопулярную меру, как повышение вдвое потребительского налога. Однако, как указывают японские эксперты, оздоровить государственные финансы и привести в порядок систему социального обеспечения не удастся до тех пор, пока экономика будет находиться под негативным влиянием дефляции. Поскольку исходной причиной дефляции в Японии является ограниченный спрос, то для вывода экономики из дефляционной спирали и возвращения ее на рельсы устойчивого роста требуется стимулирование частных инвестиций и потребительского спроса.

Однако это делает необходимым приведение хозяйственной политики правительства в соответствие с новыми экономическими реалиями. Как считают разработчики новой стратегии роста, правительство должно сосредоточиться на поощрении внутреннего спроса не столько на товары, сколько на услуги, повышающие качество жизни, такие как охрана здоровья, уход за престарелыми людьми и туризм.

Что касается внешнего спроса, то Японии, с точки зрения экономического роста, необходимо снизить свою зависимость от экспорта на рынки США и Европы, ставшие менее стабильными. Вместе с тем, ей надо прилагать больше усилий, направленных на создание нового внешнего спроса для своей экономики, и в этих целях приспособливать японскую продукцию к потребностям развивающихся стран. При этом особое значение придается освоению зарубежных рынков товаров и услуг, способствующих сдерживанию глобального потепления.

Новая стратегия роста предусматривает семь важнейших для японской экономики областей, включая окружающую среду, энергетику, здравоохранение, рынки Азии, туризм и др., а также 21 приоритетный проект. Вместе с тем, критики стратегии отмечают, что она не содержит четкого плана действий по решению такой насущной проблемы, как старение и сокращение населения, которая фактически может явиться главным структурным фактором низких темпов роста японской экономики в грядущей перспективе.

Судя по всему, решая эту проблему, правительство Японии вынуждено будет пойти двумя путями: во-первых, широко открыть двери для иммигрантов и, во-вторых, поднять возраст выхода на пенсию. Решиться на эти меры будет непросто, так как обе они являются весьма рискованными в плане внутривнутриполитической ситуации. Кроме того, большим резервом улучшения положения в японской экономике является женский труд. Однако для того, чтобы его задействовать, необходимы решительные меры по развитию отраслей, связанных с воспитанием детей и уходом за ними.

Новая стратегия роста была опубликована администрацией Кана незадолго до июльских выборов в верхнюю палату парламента, поэтому она не затронула некоторые весьма болезненные социально-экономические проблемы. Одной из них является открытие рынка Японии для импорта сельскохозяйственной продукции. Очевидно, что в условиях нарастающих процессов интеграции и глобализации Япония рано или поздно вы-

нуждена будет пойти на этот шаг. Пока же ДПЯ на текущий финансовый год приняла программу субсидирования отечественных фермерских хозяйств с целью улучшения их финансового положения.

Другим императивом, опущенным в стратегии роста, является заключение двусторонних соглашений о свободной торговле с США, Австралией, Китаем и Южной Кореей. Токио всячески затягивает процесс по причине неконкурентоспособности японского сельского хозяйства.

Опасение потерять голоса избирателей в сельских районах заставляет ДПЯ с осторожностью относиться и к идее торгового соглашения под названием Транстихоокеанское партнерство — ТТП (Trans-Pacific Partnership — TPP), выдвинутой восемью странами АТР, включая США, Австралию, Новую Зеландию и Сингапур, с целью создания региональной зоны свободной торговли. Все это, в свою очередь, тормозит создание Восточноазиатского сообщества, в основу которого должно быть положено трехстороннее соглашение о свободной торговле между Японией, Китаем и Южной Кореей.

Отставание Японии от других стран в деле заключения соглашений о свободной торговле ставит японских экспортеров в худшее положение по сравнению, например, с южнокорейскими производителями автомобилей и товаров в сфере информационных технологий, поскольку в 2011 г. вступают в силу соглашения о свободной торговле Южной Кореи с Соединенными Штатами и Европейским Союзом.

Такая ситуация может побудить японские компании к переносу своих производств за рубеж, что выльется в дополнительную потерю рабочих мест в самой Японии. Японские экономисты указывают не только на необходимость участия Японии в ТТП, но и призывают правительство взять на себя лидерство в этом процессе, отдав предпочтение экономическим интересам страны, а не электоральным соображениям. Однако, как признают они, для этого необходимо решить все ту же проблему повышения конкурентоспособности японского сельского хозяйства, а главное — в целом возродить сельское хозяйство как важную отрасль экономики. Это особенно важно, поскольку самообеспеченность продовольствием в Японии составляет немногим более 40%.

О том, как администрация Кана намерена выстраивать свою политику в сфере интеграционных процессов в АТР, будут свидетельствовать японские инициативы на саммите АТЭС в Йокогаме в ноябре 2010 г.

Новая стратегия роста стала разрабатываться еще в конце 2009 г., когда Кан в правительстве Хатоямы был министром, отвечающим за общенациональную политику. Тогда он заявлял, что причиной провалов более чем десяти стратегий роста прежних кабинетов, формировавшихся ЛДП на протяжении последних десяти лет, являлось «отсутствие долгосрочного видения и политического лидерства». Теперь, иронизируют японские комментаторы, новая стратегия протестирует видение и политическое лидерство самого Кана.

Тем временем Кан и сформированное им правительство поглощены решением набора острых текущих хозяйственных и социальных проблем. Однако ситуация затруднена тем обстоятельством, что меры по их решению Кан вынужден проводить через «перекрученный парламент». Это особенно ярко проявилось на примере принятия дополнительного бюджета на 2010 финансовый год, необходимого для добавочного стимулирования экономики. Он был вынесен на обсуждение внеочередной сессии парламента открывшейся 1 октября. Одна из причин разработки администрацией Кана дополнительного бюджета заключается в его желании выстроить продуктивные отношения с оппозицией, которая выступает за более масштабные экономические стимулы. На эти цели главная оппозиционная сила — ЛДП и ее союзница — партия Новая Комэйто предлагали израсходовать от 4 до 5 трлн иен. Проект дополнительного бюджета, представленный правительством, составляет 5,05 трлн иен²³.

Кан вынужден также принимать в расчет призывы к дополнительным расходам, исходящим из недр самой ДПЯ. Так, в ходе выборов главы партии соперник Кана — Одава предлагал экономические меры стоимостью 2 трлн иен. Необходимые средства нашлись. В 2009 финансовом году бюджет был сведен с профицитом, к тому же в текущем финансовом году налоговые поступления превышают расчетные показатели. В то же время крайне низкие процентные ставки, видимо, сократят стоимость обслуживания государственного долга. В совокупности эти факторы дадут, по оценкам, от 3 до 5 трлн иен. Это, видимо, и определило стоимостной объем дополнительного бюджета.

По правительственным расчетам, он должен увеличить годовые темпы прироста экономики на 0,6 процентных пункта и создать 450–500 тыс. новых рабочих мест. Из 5,05 трлн иен 3,1 трлн предполагается использовать для стимулирования экономики в регионах, в том числе с помощью поддержки малого и среднего бизнеса и реализации инфраструктурных проектов, а 1,1 трлн иен пойдут на улучшение системы здравоохранения и детских учреждений.

Пакет экономических стимулов в виде дополнительного бюджета предусматривает также не раскрываемую сумму, предназначенную на обеспечение японской промышленности редкоземельными металлами. Выделение последней является своего рода «пожарной мерой» в свете запрета Китаем экспорта этих металлов в Японию в связи с территориальным спором вокруг островов Сэнкаку (по-китайски Дяоюйдао), обострившим весь комплекс японо-китайских отношений в сентябре-октябре 2010 г.

Важно подчеркнуть, что в отличие от составленного в спешке плана расходования средств из резервных фондов, дополнительный бюджет базируется на ряде ключевых принципов.

Во-первых, правительству не придется дополнительно выпускать облигации для указанного бюджета, что особенно важно в свете гигантского государственного долга — самого крупного среди промышленно развитых стран. Если в такой чрезвычайной ситуации администрация Кана продемонстрирует малейшие признаки ослабления бюджетной дисциплины, может усилиться недоверие к правительству как среди налогоплательщиков, так и рыночных игроков.

Во-вторых, новый пакет мер стимулирования должен быть ориентирован на правительственную стратегию роста — первостепенную цель бюджета в 2011 финансовом году, а также на создание новых рабочих мест. В августе 2010 г. безработица в Японии составляла 5,1%, что для страны является весьма высоким показателем. Именно создание новых рабочих мест Кан ставит во главу угла своей экономической политики.

Ранее правительство потребовало от министерств и агентств сократить расходы в подведомственных им областях на 10% с целью «наскрести» 1 трлн иен на специальные субсидии в целях оживления экономики. Вышеупомянутые 3–5 трлн иен значительно превосходят эту сумму. А поскольку поступления в виде корпоративного налога вряд ли возрастут в связи с высоким курсом иены, эти средства явятся для правительства важным финансовым источником.

В-третьих, сам процесс верстки дополнительного бюджета должен явиться прецедентом успешного сотрудничества между правящей и оппозиционной партиями. В условиях «перекрученного парламента» правящая партия особенно нуждается в сотрудничестве с оппозицией, чтобы проводить свои законы. Поэтому ДПЯ выражает готовность идти на существенный пересмотр своих популистских обещаний, данных в связи с выборами в верхнюю палату парламента в прошлом году. Эти обещания ЛДПЯ раскритиковала как попытки «сорить деньгами среди избирателей».

Таким образом, администрация Кана пока не придумала никаких новых базовых рецептов для вывода страны на орбиту устойчивого экономического развития и в духе предыдущих кабинетов, формировавшихся ЛДП, взяла курс на накачку экономики деньгами за счет государственных средств в форме основного и дополнительного бюджетов,

а также других пакетов финансовых стимулов. Этот курс подкрепляется рекордным бюджетом на 2010 финансовый год, превышающим 92 трлн иен.

Дополнительный бюджет на 2010 финансовый год имеет своей целью не только борьбу с дефляцией, но и смягчение последствий другой, также ставшей уже хронической болезни — высокого курса иены. Дорогая иена крайне негативно влияет на экономику в целом, поскольку приводит к повышению стоимости японского экспорта и, соответственно, снижению доходов японских компаний, ориентированных на внешние рынки и являющихся одной из главных опор японской экономики. К тому же сильная иена приводит к удешевлению импорта, что, в свою очередь, содействует усилению дефляции.

Важным фактором резкого повышения в последнее время курса иены являются опасения инвесторов относительно перспектив американской экономики, что порождает приток капитала из США, Европы и развивающихся экономик в иену, которая считается относительно безопасным активом. Кроме того, финансовая система в Японии оказалась менее, чем в США и Европе, подверженной негативному влиянию так называемого «шока Лемана», положившего начало мировому финансовому кризису.

Наконец, Япония имеет положительное сальдо баланса текущих платежей, а ее бюджетный дефицит в настоящее время не рассматривается как серьезная проблема, поскольку финансируется в основном из внутренних источников. Однако США и Европа не стремятся к удорожанию доллара и евро, исходя из необходимости стимулировать свой экспорт из-за неблагоприятной ситуации в их экономиках. Таким образом, полагают японские эксперты, в ближайшем будущем иена будет оставаться более сильной валютой по сравнению с долларом и даже стремиться к рекорду, отмеченному в 1979 г., когда 1 долл. равнялся 79,75 иены²⁴.

Одним из решительных шагов Кана после его победы на выборах лидера ДПЯ в сентябре 2010 г. стала валютная интервенция с целью снизить курс иены. Япония единовременно выбросила на валютные рынки 2 трлн иен (23,4 млрд долл.)²⁵ Это была первая интервенция за последние шесть с половиной лет и по своему масштабу превзошла интервенцию в 1,6 трлн в январе 2004 г. Она привела к незначительному снижению курса с 82 до 85 иен за доллар²⁶.

Эффект оказался относительным, так как Япония провела эту акцию самостоятельно, не получив поддержки со стороны США и Европы. Эксперты указывают, что в случае замедления темпов роста американской экономики в ближайшем будущем может произойти новое удорожание иены.

В целом же можно прогнозировать, что, хочет того Токио или нет, ему придется принять активное участие в международной войне валютных курсов, которая стала заметно ужесточаться с октября 2010 г., и похоже, движение в этом направлении становится необратимым. Рупор японских деловых кругов газета «Нихон кэйдзай симбун» в своей редакционной статье расценил итоги встречи министров финансов и глав центробанков стран «Большой двадцатки» (G20) в южнокорейском городе Кенжу в октябре 2010 г. как «неудовлетворительные», заявив, что достигнутыми там соглашениями предотвратить валютную войну невозможно²⁷.

В боевых действиях на валютном фронте японское правительство в качестве «боеприпасов» готово израсходовать беспрецедентную сумму в 40 трлн иен на валютные интервенции на внутреннем и внешнем рынках. Банк Японии также намерен принять меры по сдерживанию роста курса иены путем вливания дополнительной ликвидности на финансовые рынки. Для этого он, возможно, увеличит объем покупок долгосрочных облигаций у финансовых институтов и продолжит предоставление низкопроцентных кредитов коммерческим банкам. От того, насколько эффективно будет проводиться сдерживание роста курса иены, во многом будет зависеть успех деятельности Кана по выводу Японии на рельсы поступательного развития, а также решение многих частных, но оттого не менее острых социально-экономических проблем страны.

Зигзаги внешней политики

По мнению многих японских экспертов и обозревателей, роль Японии на международной арене в истекающем десятилетии значительно снизилась. Объяснение этому они находят не только в затянувшемся экономическом застое, но и в отсутствии эффективной государственной дипломатии. Во многом это связано с феноменом скоротечного пребывания в кресле премьер-министра лидеров ЛДПЯ в последние годы ее правления до прихода к власти ДПЯ осенью 2009 г.

Очевидно, что позиции Японии на последних саммитах «восьмерки», на которых вырабатывались согласованные подходы ведущих мировых держав к решению насущных международных проблем, были значительно ослаблены, поскольку каждый раз в них участвовал новый японский премьер: Синдзо Абэ в 2007 г., Ясуо Фукуда в 2008 г. и Таро Асо в 2009 г. Не способствовало улучшению ситуации и то обстоятельство, что очередная «смена караула» на самом верш в Японии происходила, как правило, в сентябре, когда проводятся Генеральные Ассамблеи ООН, на которых главы государств должны озвучивать перед мировым сообществом свою внешнеполитическую стратегию. Понятно, что в этих условиях трудно рассчитывать на преемственность международного курса и выработку эффективной внешней политики, ориентированной на длительную перспективу.

В связи с этим в Японии большие надежды возлагались на ДПЯ и Юкио Хатояму, которые могли бы переломить указанные негативные тенденции и повысить роль и значение Японии на международной арене.

Незадолго до прихода к власти Хатояма опубликовал трактат под названием «Моя политическая философия». Ключевое понятие работы передается словом «юаи». Слово состоит из двух иероглифов: «ю» — «дружба» и «аи» — «любовь». В английском языке ему соответствует слово «fraternity» — «братство». Как следует из разъяснений Хатоямы, «юаи» — это способ мышления, которое уважает собственную свободу и человеческое достоинство, уважая также свободу и человеческое достоинство других. Нельзя не заметить, что в какой-то мере «юаи» Хатоямы напоминает «новое политическое мышление» М. Горбачева.

В «Политической философии» Хатоямы наибольшее внимание зарубежных аналитиков привлек тезис о том, что в результате провала войны в Ираке и финансового кризиса эра возглавляемого США глобализма подходит к концу, и международное сообщество движется от однополярного мира во главе с Соединенными Штатами к зре многополярности.

Став премьер-министром, Хатояма признал, что японская дипломатия находилась в состоянии застоя в течение нескольких десятилетий правления ЛДПЯ. В выступлении на Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2009 г. он обнародовал свое видение внешней политики Японии. По его словам, смена власти в Японии поможет стране стать «мостом» для всего мира в решении проблем экономики, окружающей среды и укрепления мира. Он заявил также, что Япония приложит все усилия к тому, чтобы стать также «мостом» между Востоком и Западом, между развитыми и развивающимися странами, между различными цивилизациями. В русле философии Хатоямы лежит и данное еще в ходе предвыборной кампании обещание ДПЯ проводить более независимую от США внешнюю политику и выстраивать равноправные отношения с ними. Кроме того, по мнению политика, в деле укрепления позиций Японии в Азии и на мировой арене в целом важную роль должно сыграть создание Восточноазиатского сообщества, которому отведено одно из центральных мест в его «Политической философии». Хатояма уподоблял Восточноазиатское сообщество Европейскому Союзу, хотя и указывал на ряд серьезных различий в истории, экономике, политике и других областях обоих регионов. Правда, ни пребывая в кресле премьер-министра, ни позднее, Хатояма так и не наполнил

свою концепцию конкретным содержанием. Следует отметить, однако, что выступая с лекцией в Дипломатической академии МИД РФ в сентябре 2010 г., он заявил о возможности участия в указанном сообществе как США, так и России. Это можно расценить как определенную новацию, так как ранее членство Соединенных Штатов в указанном проекте не предусматривалось, а имя России вообще не упоминалось.

В отличие от «политического философа» Хатоямы пришедший ему на смену Наото Кан считается реалистом и прагматиком. Однако, как отмечают японские аналитики, он является политиком, ориентированным на внутренние дела, и фактически не имеет опыта международной деятельности. Как и Хатояме, ему пришлось обнародовать свое видение внешней политики страны на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2010 г., буквально сразу после того, как он повторно стал премьер-министром в результате выборов лидера ДПЯ. В своем выступлении Кан выразил решимость Японии играть более ответственную роль в деле обеспечения мира и международной безопасности. Он пообещал, что Япония как единственная страна, подвергшаяся атомной бомбардировке, возглавит усилия международного сообщества, направленные на ядерное разоружение и нераспространение ядерного оружия. Кан также заявил, что именно по причине атомной бомбардировки его страна заслуживает места постоянного члена Совета Безопасности ООН в XXI веке, указав на то, что реформа этого самого важного органа ООН неизбежна, поскольку он должен отражать реалии сегодняшнего международного сообщества и оставаться эффективным и легитимным²⁸.

Кроме того, японский премьер-министр выразил озабоченность по поводу ядерных программ Северной Кореи и Ирана и призвал всех членов ООН твердо выполнять резолюции СБ ООН о международных санкциях. При этом он указал, что ядерная и ракетная программы Северной Кореи «несут угрозу всему международному сообществу» и вновь подчеркнул, что решение проблемы японских граждан, похищенных северокорейскими спецслужбами, «абсолютно необходимо» для Токио как условие нормализации отношений с Пхеньяном²⁹. Кан повторил также обязательство Японии сократить ее выбросы парниковых газов на 25% к 2020 г. по сравнению с уровнем 1990 г., призвав всех основных эмитентов этого газа к честному и эффективному сотрудничеству в борьбе с глобальным потеплением.

Другим важным обязательством Токио на международной арене стало обещание выделить 8,5 млрд долл. в течение пяти лет начиная с 2011 г. на улучшение здравоохранения и образования в развивающихся странах в рамках поставленной ООН цели сокращения бедности. Таким образом, в выступлении нового премьер-министра четко просматривается фактически тот же самый базовый курс Японии на международной арене, который она проводила в течение нескольких десятилетий правления ЛДПЯ.

В этом курсе важнейшим орудием японской дипломатии является официальная помощь развитию (ОПР). Япония довольно длительное время являлась мировым лидером в сфере оказания ОПР. Однако в связи с экономическими трудностями она была вынуждена урезать свои расходы на эти цели. Так, в 2010 г. ее бюджет ОПР составил 618,7 млрд иен, что означает его сокращение вдвое по сравнению с 1997 г., когда указанный бюджет достиг пика, и Япония занимала первое место в мире по объему ОПР³⁰.

По данным на 2010 г., Япония занимает лишь пятое место в мире по этому показателю, что снижает ее влияние среди развивающихся стран. По мнению японских экспертов, это тревожный факт на фоне того, что Китай, Бразилия и другие так называемые новые экономические державы, используя их растущую финансовую мощь, усиливают свое влияние в ряде развивающихся стран.

Экспертов особенно беспокоит то обстоятельство, что Китай активно проводит «дипломатию помощи» африканским странам, богатым энергетическими и минеральными ресурсами. Кроме того, они прямо указывают на необходимость использования ОПР с целью приобретения друзей в международном сообществе. В частности, по их мнению,

важно путем предоставления ОПР стремиться сделать своим союзником мировое общественное мнение в ситуациях, подобных той, которая сейчас развивается в территориальном споре между Японией и Китаем. Поэтому, считают эксперты, Кан должен изыскать возможности для увеличения бюджета ОПР путем уменьшения других правительственных расходов, а также повышения потребительского налога³¹.

Еще более конкретное видение японской внешней политики Кан попытался изложить в своей речи на открытии внеочередной сессии парламента в начале октября 2010 г. Оно привлекло большое внимание аналитиков и наблюдателей, так как дипломатия считается «ахиллесовой пятой» правительства ДПЯ³², поскольку эта партия по существу является «эклектическим собранием политиков с сильно отличающимися взглядами на проблемы национальной безопасности»³³.

В указанной речи новый премьер провозгласил «независимую и активную дипломатию», базирующуюся на общенациональном консенсусе, достигаемом путем дискуссий среди граждан, которые рассматривают дипломатические вызовы как их личные проблемы³⁴. Однако эти послы были раскритикованы экспертами как слишком поверхностные.

Очевидно, что для выработки более глубоких подходов у нового правительства не было достаточно времени, так как ему незамедлительно пришлось заниматься острыми проблемами в отношениях с такими главными партнерами на международной арене, как США и Китай, а также важным ближайшим соседом — Россией.

Эти проблемы на время «затмили» (но не снизили) значение даже такой хронически болезненной проблемы, как «ракетно-ядерная угроза» со стороны Северной Кореи.

О прошлых и вероятных зигзагах японской внешней политики можно судить по инаугурационной пресс-конференции нового министра иностранных дел Японии Сэйдзи Маэхары³⁵. В кабинете Хатоямы он занимал должность министра земель, транспорта, инфраструктуры, а также по делам Окинавы и «северных территорий», под которыми подразумеваются российские Южные Курилы.

В 2005 г., будучи лидером оппозиционной тогда ДПЯ, Маэхара в одном из своих выступлений в США назвал Китай «реальной угрозой» в связи с наращиванием и модернизацией его военного потенциала. Он также заявил, что эта страна ущемляет интересы Японии в отношении месторождений газа в Восточно-Китайском море. В должности того же министра, но уже в кабинете Кана, Маэхара назвал поведение китайского траулера в водах спорных островов Сэнкаку безответственным. Именно оно, по его мнению, привело к столкновению с японским кораблем береговой охраны. Как уже отмечалось, этот инцидент послужил началом беспрецедентного обострения японо-китайских отношений. По мнению ряда японских и зарубежных аналитиков, растущая экономическая мощь, дипломатическая неопытность премьер-министра Кана, а также напряженные японо-американские отношения лежат в основе чрезвычайно жесткой реакции Пекина на арест японской береговой охраной капитана китайского судна после столкновения. Однако на упомянутой пресс-конференции Маэхара воздержался от употребления слова «угроза» в отношении Китая, назвав столкновение случайным. В своем выступлении новый министр иностранных дел Японии прежде всего подчеркнул, что экономическая дипломатия, в том числе заключение соглашений о свободной торговле и соглашений об экономическом партнерстве, явится краеугольным камнем его внешней политики.

Тем не менее, назначение Маэхары главой внешнеполитического ведомства было встречено в Китае с большой настороженностью, а китайское центральное телевидение в своем репортаже из Токио сообщило, что на пост министра иностранных дел Японии назначен «антикитайский ястреб»³⁶.

Беспрецедентная эскалация напряженности в японо-китайских отношениях в сентябре — начале октября 2010 г. продемонстрировала всю сложность задачи, которая, судя по всему, была поставлена ДПЯ в сфере внешней политики: сделать ее более сбалансированной за счет некоторого дистанцирования от США и, соответственно, сближения с Китаем.

Однако сама постановка такой задачи вызвала негативную реакцию в Вашингтоне, где не исключили, что она будет решаться за счет интересов США в АТР. Японцам тут же дали понять, что фокус американской политики в сфере безопасности в регионе может сместиться на Южную Корею и другие азиатские страны.

В Японии существует двойственный подход к Китаю: с одной стороны, в Токио действительно вызывает большое опасение наращивание Китаем своего военного потенциала и, особенно, откровенная демонстрация в 2010 г. его военно-морским флотом своих «мускулов». С другой стороны, японцы не могут не учитывать то обстоятельство, что Китай является крупнейшим торгово-экономическим партнером Японии, от которого во многом зависит состояние дел в ее экономике. Этим, кстати, не преминул воспользоваться Пекин. В наборе средств его давления в ходе разгоревшегося территориального конфликта важное место заняли эмбарго на экспорт редкоземельных металлов в Японию и ужесточение таможенных процедур для японских компаний, торгующих с Китаем³⁷. Это, в свою очередь, породило в Японии призывы снизить экономическую зависимость от Китая, чтобы избежать подобного шантажа в будущем.

Премьер-министр Кан подвергся внутри страны сильнейшей критике за то, что в своих подходах к Китаю в связи с конфликтом вокруг островов Сэнкаку он, как утверждается, проявил слабость и неумение отстаивать государственные интересы. Можно полагать, что ему предстоит большая и трудная работа по налаживанию с этой страной «взаимовыгодных отношений, базирующихся на общих стратегических целях», о необходимости которых ранее неоднократно заявляли, как Токио, так и Пекин.

Очевидно, что осеннее обострение отношений с Пекином заставит политиков ДПЯ и сформированное ею правительство более позитивно оценивать связи со своим главным военно-политическим союзником — Соединенными Штатами. Именно в этих отношениях, пожалуй, наиболее ярко проявляются внешнеполитические зигзаги Японии в период недолгого пока правления кабинетов ДПЯ.

Вашингтон, в отличие от Пекина, приветствовал назначение Маэхары на пост министра иностранных дел Японии, считая его проамериканским деятелем и полагая, что он вместе с Каном возьмет курс на выправление перекосов в японо-американских отношениях, допущенных Хатоямой. Судя по всему, оба деятеля в складывающейся непростой обстановке в сфере безопасности в Восточной Азии намерены «сдать назад» и повысить приоритетность указанных отношений в японской внешнеполитической стратегии.

США, со своей стороны, проявляют готовность закрепить движение Японии в этом направлении, заняв откровенно прояпонскую позицию в территориальном споре вокруг Сэнкаку и прямо заявив устами госсекретаря Х. Клинтон, что указанные острова входят в сферу действия японо-американского договора безопасности.

Подобное развитие событий в Северо-Восточной Азии укладывается в русло утверждений некоторых японских и американских политологов о том, что «китайская военная угроза» в АТР приходит на смену «советской военной угрозе» периода «холодной войны».

Таким образом, можно ожидать, что «китайский фактор» в ближайшее время серьезно укрепит центростремительные силы в японо-американских отношениях в сфере безопасности. Очевидно, что наряду с «северокорейской угрозой» этот фактор усилит в Японии позиции сторонников сохранения авиабазы корпуса морской пехоты США Футэмма на Окинаве. Вопрос в том, удастся ли правительству Кана убедить в необходимости этого администрацию и население самого острова, которые крайне негативно настроены к пребыванию американских вооруженных сил на своей территории.

Как отмечала газета «The Japan Times» в редакционной статье, посвященной 50-й годовщине заключения пересмотренного японо-американского договора безопасности, Япония и США должны прилагать серьезные усилия по снижению нагрузки на префектуру Окинава, где сконцентрированы американские базы. По мнению газеты, без понимания жителей Окинавы договор не будет достаточно функционален³⁸.

Думается, инцидент с китайским траулером вблизи островов Сэнкаку, которые территориально входят в указанную префектуру, может облегчить получение такого понимания. Вместе с тем, надо отметить, кандидаты на пост губернатора префектуры Окинавы как от правящей партии, так от оппозиции выступают за вынос базы за пределы одноименного острова³⁹.

Территориальный цугцванг Токио

Смена власти в Японии в сентябре 2009 г., приведшая в кресло премьер-министра Юкио Хатояму, породила у ряда политиков и экспертов как в России, так и в Японии определенные надежды на улучшение политических отношений между двумя странами и возможность компромиссных подвижек в фактически зашедших в тупик переговорах по территориальному вопросу. Эти надежды связывались с тем обстоятельством, что Хатояма является внуком японского премьер-министра Итиро Хатоямы, подписавшего в 1956 г. Советско-японскую декларацию, которая восстановила дипломатические отношения между двумя странами.

Развитие отношений между Японией и СССР, а затем Россией, считается наследуемой традицией семьи Хатояма. Кроме того, Юкио Хатояма в отличие от остальных политических лидеров Японии имеет репутацию знатока России, и к тому же обладает налаженными связями с представителями российского истеблишмента. Хатояма уже в начале своего премьерства заявлял о намерении добиться прогресса в решении территориального вопроса в течение полугода или года. Однако было очевидно, что он не сможет отойти от «классической позиции» Японии — требования вернуть все четыре острова. Причина не только в том, что в манифесте ДПЯ в отношении России содержалось обязательство добиваться скорейшего возвращения указанных островов (других задач в отношении России в документе не ставилось), но и в том, что всякое отступление от указанной позиции для любого деятеля в Японии означает «политическую смерть». Более того, на фоне заявленного Хатоямой желания улучшить отношения с Москвой диссонансом выглядели действия его правительства, утвердившего подготовленный японским МИДом документ, содержащий формулировку «незаконная оккупация Россией» Южных Курильских островов. Кроме того, Сэйдзи Маэхара, занимавший в кабинете Хатоямы пост министра земель, выступил с жестким заявлением о «незаконной оккупации Россией северных территорий». Эти шаги встретили негативную реакцию со стороны российского МИДа.

В итоге сложилась парадоксальная ситуация, когда при пророссийском (по японским меркам) премьер-министре Японии и без того находившиеся в застое российско-японские политические отношения фактически охладелись. Градус этих отношений еще больше понизился после ухода Хатоямы в отставку, хотя прямой причинно-следственной связи здесь не просматривается. Этому способствовали как минимум три события.

Во-первых, в Японии было отрицательно расценено введение в России новой памятной даты — Дня окончания Второй мировой войны. В Японии это название однозначно было воспринято как эвфемизм, которым обозначена победа СССР в войне с Японией в августе 1945 г. Правда, именно в силу нейтральности указанной формулировки Токио никак официально не отреагировал на введение новой памятной даты.

Во-вторых, японские СМИ и политические деятели крайне критически отнеслись к тому месту в российско-китайском совместном заявлении, подписанном во время визита президента Д. Медведева в Китай в сентябре 2010 г., в котором говорилось, что стороны подтверждают стремление не допустить пересмотра итогов Второй мировой войны, противодействовать попыткам фальсифицировать ее историю, героизировать нацистов, милитаристов и их пособников, очернить освободителей.

Заявление было истолковано в Японии не только как стремление согласовать подходы России и Китая к восприятию истории своих сложных отношений с этой страной, но и как средство совместного давления на Японию по поводу их территориальных конфликтов с ней. Правда, в ответ на запрос оппозиции в парламенте 10 октября 2010 г. премьер-министр Кан заявил, что он так не считает.

В-третьих, заявленное президентом Медведевым намерение посетить Южные Курилы вызвало весьма болезненную реакцию в Японии уже на официальном уровне. Токио устами министра иностранных дел Маэхары заявил о нежелательности такой поездки и ее возможных негативных последствиях для двусторонних отношений. Одновременно в японских СМИ была развязана мощная антироссийская кампания, которую в концентрированном виде передает японский сайт на русском языке⁴⁰. Дальше других в этой кампании пошла консервативная газета «Санкэй симбун», которая потребовала отозвать из Москвы посла Японии. Беспрецедентно резкая реакция японской стороны, возможно, объясняется стремлением руководства Японии продемонстрировать свою твердость в отстаивании территориальных интересов страны в то время, когда оно подвергается острой критике со стороны ее общественности и оппозиции за отсутствие такой твердости в отношениях с Китаем. Так или иначе, Москва и Токио стоят перед трудным поиском путей вывода двусторонних политических отношений из достаточно глухого территориального тупика, в котором они оказались в конце первого десятилетия нового века.

Вероятно, для этого могла бы быть создана более благоприятная атмосфера в случае назначения послом Японии в России Юкио Хатоямы, о возможности чего сообщали неофициальные японские источники. Правда, сделанное им в конце октября заявление о желании вернуться в большую политику, затуманивает перспективы этого назначения. Но, думается, в любом случае он мог бы попытаться на деле реализовать заявленное им видение российско-японских отношений в образе «повозки с двумя колесами», одно из которых — экономика, а другое — политика.

В вышеупомянутом выступлении в российской Дипломатической академии Хатояма усовершенствовал эту модель отношений, добавив повозке третье колесо — в виде культурных связей. Видимо, японский политик справедливо полагает, что чем больше у транспортного средства колес, тем оно устойчивее. Кроме того, с помощью двух колес (экономика и культура) легче направить в правильную колею третье колесо (политику). Вопрос в том, сумеют ли стороны прийти к единому пониманию того, что такое правильная колея.

Тем временем ведущее экономическое издание Японии газета «Нихон кэдай симбун» указывая в своей редакционной статье на то, что только в течение 2010 г. встречи на высшем уровне между Россией и Китаем проводились пять раз, критикует ДПЯ за то, что после ее прихода к власти ни один действующий японский премьер-министр не посетил Россию. По мнению газеты, это лишь отдалает решение территориальной проблемы⁴¹.

К этому следует добавить, что и в территориальных спорах Японии с другими странами «не видно света в конце тоннеля», в том числе в продолжающем лишь обостряться конфликте с Китаем по поводу островов Сэнкаку. Одностороннее взвинчивание атмосферы в отношениях с Россией в связи с посещением Д. Медведевым Южных Курил следует расценить не иначе, как очередной крупный внешнеполитический просчет (если не сказать провал) правительства ДПЯ после ее прихода к власти в сентябре 2010 г.

Ввязывание администрации Кана в «боевые действия» сразу на двух «территориальных фронтах» — китайском и российском — можно объяснить лишь тем, что, как уже говорилось, дипломатия — это не самый сильный «козырь» ДПЯ. Возможно, такие неуклюжие действия являются «побочным эффектом» провозглашенного партией лозунга передачи важнейших государственных решений из рук бюрократии (на этот раз мидовской) в руки политиков.

Однако драматизм положения для Токио заключается еще и в том, что помимо России и Китая Япония имеет территориальные конфликты со всеми без исключения соседями в Северо-Восточной Азии. К ним также относятся спор с Южной Кореей по поводу территориальной принадлежности островов Такэсима (по-корейски — Токто) и притязания на острова Сэнкаку Тайваня, который в этом плане действует параллельно с материковым Китаем. Кроме того, сюда следует добавить Северную Корею, которая несмотря на свою враждебность по отношению к Сеулу, поддерживает соотечественников на юге Корейского полуострова по вопросу принадлежности островов Такэсима.

Таким образом, вырисовывается не очень радостная для Токио картина: Япония оказывается в полукольце соседних стран, со всеми из которых, она имеет застарелые территориальные тяжбы. Другую половину кольца образуют водные просторы Тихого океана, на далекой противоположной стороне которого расположены США — единственный на сегодняшний день военно-политический союзник страны восходящего солнца. Причину сложившейся ситуации, видимо, следует искать в политике Японии в отношении своих материковых соседей в прошлом и позапрошлом веках.

Следует подчеркнуть, что возникновение малейшей напряженности в отношениях с соседними азиатскими странами, особенно по территориальному вопросу, выливается, как правило, в сильнейшие антияпонские кампании в этих странах. Основой этих кампаний являются дремлющие в течение многих десятков послевоенных лет антияпонские чувства местного населения, готовые вспыхнуть от малейшей искры и перерасти в яростные антияпонские выступления.

В этом отношении исключением является лишь Россия. Она, единственная среди всех стран, имеющих территориальные споры с Японией, проявляет готовность искать с ней какие-то компромиссы. Однако, похоже, в Токио это не очень ценят и в последнее время лишь усиливают давление на Москву, полагая, видимо, что Россия — наиболее слабое звено в цепи территориальных конфликтов Японии с ее соседями.

Таким образом, администрации Кана, вероятно, еще предстоит доказывать избирателям, что вырабатывая стратегию, адекватную современным международным реалиям, и попутно решая назревшие важные задачи, ДПЯ в состоянии проводить более эффективную внешнюю политику, чем ее предшественница — ЛДПЯ.

-
1. В Японии премьер-министром становится лидер партии, получившей большинство депутатских мест в нижней палате парламента (палате представителей). Премьер, в свою очередь, формирует правительство.
 2. Асахи симбун. 2009. 1 сент.
 3. В этом отношении некоторые, склонные к хлестким сравнениям отечественные японоведы даже сравнивали ЛДПЯ с КПСС.
 4. Период безраздельного правления ЛДПЯ с момента ее прихода к власти, соответственно, получил название «режим 1955».
 5. Асахи симбун. 2009. 1 сент.
 6. В Японии предвыборные платформы или программы называют «манифесто».
 7. Ёмиури симбун. 2009. 13 сент.
 8. Более подробно об этом см.: Кистанов В. База Футенма лишила Японию премьера // Независимая газ. 2010. 26 июля. Приложение «Дипкурьер».
 9. Незаконные финансовые пожертвования в фонды партий и отдельных партийных деятелей, а также другие виды подкупа политиков — хроническая болезнь японского общества.
 10. Парадокс заключается в том, что до сентября 2009 г. ситуация в Японии была «ровно наоборот»: ЛДПЯ господствовала в нижней палате, а ДПЯ имела большинство в верхней, что позволяло ей «вставлять палки в колеса» законопроектам либерал-демократов. Правда, по конституции, в случае непринятия закона в палате советников, законопроект возвращается в палату представителей, где правящая партия, обладающая большинством голосов, его принимает.

11. Партия всех — название партии в переводе с японского (*минна-но то*). С английского переводится как «Ваша партия» (Yours party).
12. Асахи симбун. 2010. 30 сент.
13. Там же.
14. Лето 2010 г. в Японии, как и в России, отличалось аномально высокой температурой, что также привело к повышенной смертности населения.
15. Асахи симбун. 2010. 17 сент.
16. Помимо обычных членов партии, так называемые зарегистрированные «сторонники» имеют право голоса на партийных форумах ДПЯ.
17. Нихон кэйдзай симбун. 2010. 18 сент.
18. The Japan Times. 2010. 15 sept.
19. На прессконференции Камэй употребил словосочетание — «мэруто даун» — заимствование из английского «melt down».
20. Ёмиури симбун. 2010. 20 окт.
21. В Японии финансовый год начинается 1 апреля и заканчивается 31 марта следующего года.
22. Асахи симбун. 2010. 19 июня.
23. The Japan Times. 2010. 9 oct.
24. Там же. 2010. 14 aug.
25. Асахи симбун. 2010. 17 сент.
26. Там же.
27. Нихон кэйдзай симбун. 2010. 24 окт.
28. The Japan Times. 2010. 26 sept.
29. Там же.
30. Нихон кэйдзай симбун. 2010. 26 сент.
31. Там же.
32. Асахи симбун. 2010. 2 окт.
33. Там же.
34. Там же.
35. См.: Асахи симбун. 2010. 20 сент.
36. Там же.
37. Указанный набор включает также отказ от двусторонних встреч на министерском уровне, откладывание приема на «ЭКСПО—2010» в Шанхае крупной молодежной делегации, свертывание китайского туризма в Японию, прекращение контактов по линии военных ведомств, арест служащих японских компаний в Китае по подозрению в шпионаже, игнорирование японского желания организовать встречу на высшем уровне для урегулирования конфликта, крупномасштабные антияпонские демонстрации, а также кампании в китайских СМИ и др. Надо отметить также, что Япония не осталась в долгу и развернула мощную критическую кампанию против Китая в собственных СМИ.
38. The Japan Times. 2010. 24 July.
39. Выборы губернатора должны были состояться в ноябре 2010 г.
40. См.: <http://www.eri-21.or.jp/russia/opinion/press/index.shtml>.
41. Нихон кэйдзай симбун. 2010. 10 окт.